

34-й
выпуск

Итак, ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ, как принято в эстрадных концертах, — более «серьезное».

— Собираете ли вы фонотеку своих записей? Если да, то что она собой представляет?

— Знаете, собирал, но потом, когда скопилось около трехсот вещей, бросил это занятие. Сам не знаю почему; может быть, от лени. Сейчас, наверное, в ней было бы уже более шестисот песен и классических произведений. Но больше, конечно, песен.

— Что ж, можно позволить себе лень в собирании фонотеки. А в работе? Люди, знающие вас давно, считают, что во многом именно трудолюбие вы обзавелись тем, чего достигли.

— Еще в раннем детстве я мечтал петь и, кажется, многое делал для осуществления своей мечты. Собственно, что значит делал? Единственное — пел.

Домашние, когда уходили спать, а я рос в музыкальной семье, имея моего деда, композитора Муслима Магометовича Магомаева — у нас с ним все совпало: и имя, и отчество, и фамилия, — носил Бакинскую филармонию), на берегу моря, когда он пел. Пел утром, днем, вечером. Если это и было трудолюбие, то неосознанное, просто мне очень хотелось стать певцом. Я пел неподалеку от дома, в музыкальной школе, по вечерам, когда и там никого не было. Мне было четырнадцать, и я занимался по-взрослому. Голос окреп. Потом я пришел в Дом культуры каспийских моряков, в самом центре Баку, познакомился. Мне сказали: «Что тебе делать у нас, иди сразу на профессиональную сцену». Нет, сказал я тогда, мне рано, хочу к вам. А потом началась работа с голосом, постоянная, напряженная. Без снисхождения.

Мне повезло: выступая на сцене с девятнадцати лет, я не испытал опасного чувства удовлетворенности, что вот, мол, теперь цель достигнута. Не посещало меня это чувство и позже. Я не разлюбил петь и потому пою много. Выходит, много работаю.

— Сольные партии в Азербайджанском театре оперы и балета — и «легкий», песенный жанр. Чем вы сами объясняете эту многогранность в вашем творчестве?

— Тем, что мне нравится исполнять и классику, и обычные песни. Если бы я почувствовал, что одно мешает другому, то занялся бы чем-то одним.

— Но ведь у театра свой репертуар, финансовый план... А вы немалую часть сезона проводите на гастролях.

— Поверьте, я не нарушитель трудовой дисциплины. Время и продолжительность моих гастролей согласуются с планом работы театра.

— Долго ли вы готовите песню?

— Иногда хорошо пойдет сразу, а иногда израсходуешь немало времени и нервов, прежде чем почувствуешь, что получилось. Так бывает и при записи на радио, на пластинку. Обычно, когда записываюсь, пою несколько раз, с тем чтобы отобрать наиболее удачный дубль. Нередко им оказывается первый.

— Хотя ваш репертуар огромен, список авторов песен, которые вы исполняете, не так уж велик.

Это не такой уж частый случай, когда популярность, однажды придя к певцу, не покидает его долгие годы. Более десяти лет назад в Москве состоялся первый сольный концерт Муслима Магомаева. И сейчас на его концерты так же трудно достать билет, как и на тот, первый.

О широкой популярности артиста, недавно удостоенного звания народного артиста СССР, свидетельствует и почта «Недели». Читатели, приславшие ответы на анкету «Неделя-74», назвали среди имен известных людей, с которыми они хотели бы встретиться на 13-й странице, Муслима Магомаева. Нашу беседу с ним мы разбили на два отделения...

даться» своим пением, а чтобы понять, когда, в какой момент и почему исполнение получилось не таким, как хотелось бы.

— У многих солистов схож репертуар. Почему? Не хватает песен?

— Песенный «вал» достаточно велик. Едва ли не каждый день можно услышать песню, о которой никто не знал вчера. Но в большинстве своем, увы, это песни-пустышки. Причем иные из них, к сожалению, удивительно живучи и прилипчивы. Но есть же у нас и замечательные песни! Великолепные песни, но их мало. Таково мое личное мнение.

— Почему, на ваш взгляд, новые музыкальные ритмы, мелодии столь часто еще приходят к нам из-за рубежа? Вот и сейчас, например, в некоторых наших песнях, в музыке к фильмам отчетливо слышны интонации французского композитора Франсиса Лея, итальянца Нино Рота...

— Вопрос это сложный, и я не берусь дать на него исчерпывающий ответ. Многие, ко-

раз, а пять или десять и только тогда решать, хороша она или нет. Обычно с первого же прослушивания решают судьбу музыки и художественные советы. Но непривычное может оказаться непонятным, а то, что непонятно, легче объявить плохим, негодным. Не так ли? Поэтому, мне кажется, и не доходит новая вещь до эфиров, до массовой аудитории. Думаю, радио, например, еще больше могло бы сделать для решения этой проблемы. Пусть в эфире, скажем, на волнах «Маяка», звучат мелодии не только со знакомыми, но и с новыми, нетрадиционными интонациями. Не поймет, не всегда примет ее слушатель? Но почему же и слушателю не дать возможности многократно ознакомиться с новинкой, привыкнуть к ней, а потом, возможно, и полюбить ее? Кстати, за рубежом в этом смысле даже навязчивы... А мы иной раз навязчивы только в отношении все тех же пустышек.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Отпив молока, гость прикурив сигарету — уже третью или четвертую за время нашей беседы.

— Вы много курите, Муслим, а это ведь вредно, особенно певцу...

— Многие что вредно. В конце концов даже петь и то вредно — голос-то стирается. Если соблюдать все правила и запреты, то не жизнь будет, а тоска зеленая. Я, например, не могу заставить себя носить зимой шапку, закутывать горло теплым шарфом. Бывает, простужаюсь, но обычно летом, в жару, попав на сквозняк. Для меня лучшее средство быть в форме — с утра ледяной душ и стакан молока. Молоко люблю, но другие напитки тоже не отвергаю. Последнее время ограничиваю себя в питании, чтобы быть в форме. Сейчас мой вес — 80.

— А рост?

— 187. Еще какие-нибудь цифры?

— Ну, что вы... У нас другой вопрос: как вы строите свой рабочий день?

— Железного распорядка нет. Да он, видимо, и невозможен у артистов, особенно у тех, кому приходится ездить на гастроли. Дома репетирую больше, чем в поездках, — три-четыре часа в день. В остальное время нахожусь занятиями, которые отвлекали бы от музыки. Театр. Вот был недавно в Малом, смотрел «Царя Федора». Смоктуновский меня потряс. Да, именно потряс. Какой актрисой!.. Люблю хорошие книги, люблю встречаться с друзьями — их у меня много, и не только среди людей искусства. Ценю дружбу тех, чье отношение ко мне не меняется от того, какими буквами сегодня, крупными или мелкими, набрано мое имя на афише, есть у меня сберкнижка или нет ее.

— Есть ли площадки, на которых вы охотнее всего выступаете?

— В первую очередь это Зал имени Чайковского и Дворец

— Вы ведь вообще-то выступаете много, часто...

— Как раз нет. Стараюсь петь в концертах по возможности реже, потому что не хочу растерять драгоценной способности волноваться при встрече с публикой. Без этого волнения — «будто в первый раз» — не мыслю выхода на сцену. Без него не искусство. Без него ремесло.

— Допускаете ли вы, что есть люди, которым не очень нравятся ваш голос, ваша манера пения?

— Не только допускаю, но и точно знаю, что такие люди есть. Кажется, у вас в «Неделе» приводилось изречение отца И. А. Бунина: «Я не червонец, чтобы всем нравиться». Всем нравиться невозможно, но, разумеется, мне не безразлично, хвалят или ругают меня знатоки, истинные ценители оперного и песенного искусства. В серьезную критику вслушиваюсь серьезно, хотя и не всегда ее принимаю. Что касается манеры... Я на сцене не играю, я там искренен, таков, как и дома, когда репетирую. Я передаю свое душевное состояние, и его, как и саму песню, стараюсь донести до слушателя.

— Кажется, вы человек не суеверный: не придали никакого значения тому, что как гость 13-й страницы мы принимаем вас на 13-м этаже.

— Немного все же суеверен. По-своему. Так, выходя из дома, почему-то обязательно оставляю свет включенным. Никогда не выхожу на сцену в новом, только что сшитом костюме. Перед концертом не повязываю новый галстук. Стараюсь «обкатать» все это на друзьях, в компании. Возможно, это чудачество... Ну, а что касается общепризнанных суеверий — нет. Черных кошек разных не боюсь.

— Есть ли у вас настольная пластинка?

— Мой любимый певец — Марио Ланца. Слушал его пластинки сотни раз, учился у него и сейчас учусь, как нужно и можно владеть человеческим голосом. Я не стал петь так, как Марио Ланца, но его пластинка — мой лучший учитель. Вернусь домой, сразу же ее включу.

— Домой — значит, в Баку?

— Конечно.

— Но вы часто бываете в Москве. У вас нет московской квартиры?

— Нет.

— Не сочтите за нескромность, но бытовые подробности также интересуют читателей.

— Не спрашивают, женат ли?

— Спрашивают.

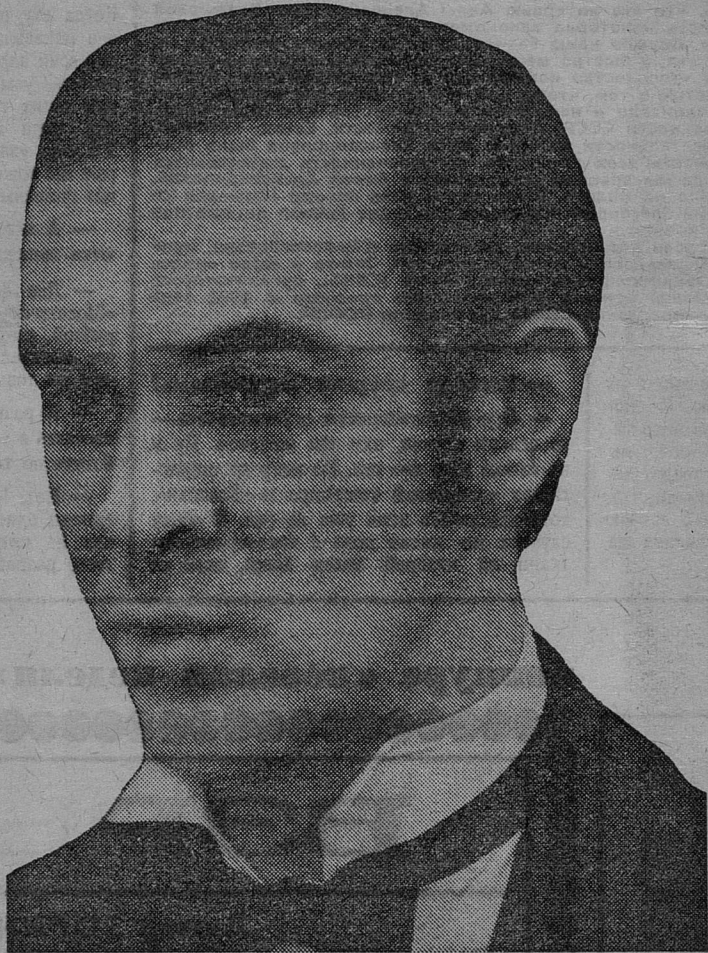
— Знаете, мне очень жаль, но моя почта (а она очень велика) наполовину состоит из подобных вопросов. Серьезных писем — с критикой, с советами — очень мало... Чем это вызвано, сказать не могу: моей ли персоной, ароматом ли и блеском эстрады...

...Когда мы покидали гостиную, один из нас направился к включателю.

— Пусть горит! — попросил гость.

По гостинной дежурили
В. ЗАХАРЬКО
и Л. КОРНИЛОВ.

МУСЛИМ

МАГОМАЕВ

— Для меня не важно, кто сочинил песню, — была бы она настоящей, были бы в ней мелодия, мысль, чувство. Не ко всему из того, что исполняю, отношение одинаковое. Одно нравится больше, другое меньше. Люблю песни на слова Роберта Рождественского, Расула Гамзатова...

— Часто ли вы прослушиваете свои записи?

— Только сольные концерты, но зато по несколько раз. Со стороны нескромно: Магомаев слушает себя. Но ведь это вовсе не из желания «насла-

нечно, значит талант... Но помоему, одна из причин заключается также в том, что и исполнители, и слушатели приучили себя к восприятию определенных, давно знакомых интонаций. Не так уж исключительна ситуация, когда композитор предлагает новую, необычную по ритму и мелодике музыку, но исполнителю при первом прослушивании она не нравится. Он ее отвергает. Но, может быть, извините за грубое слово, она просто не доходит до него?

Я лично стараюсь избегать таких ошибок. Стараюсь прослушивать мелодию не один

съездов, где состоялись мои первые концерты в Москве.

— А города?

— Ну, конечно, опять Москва... Люблю петь в Киеве, Тбилиси и, естественно, дома, в Баку. Концерт в Баку всегда праздник, но вызывающий не только радость, а и робость. Это ведь очень непросто — петь перед людьми, многих из которых знаешь с малолетства, и они тебя таким знают. Потому я и не чащу с концертами в Баку. Хотя знаю, что некоторые мои земляки обижаются на это.